

СЕУТА ВОКРУГ СЕУТЫ

КАК ОГРАБЛЕНИЕ ПЕРИФЕРИИ СОЗДАЁТ МИГРАЦИОННЫЕ ПОТОКИ

Беседуют писатель, ведущий телеканала "День" Александр МАРКОВ и политолог, эксперт Финансового университета при Правительстве Российской Федерации Руслан САФАРОВ.

Александр МАРКОВ. Информационным поводом для нашего разговора стала ситуация в Сеуте. Министр внутренних дел Испании Фернандо Гранде-Марласка сообщил, что около 72 тысяч мигрантов проникли из Марокко на испанскую территорию, хотя приблизительно 70 тысяч из них, по его словам, уже вернулись обратно. Как вы прокомментируете эти события?

Руслан САФАРОВ. В средневековой русской истории было такое слово: "набег". Не самое замечательное явление, конечно, однако в данном случае мы увидели своего рода мирный набег, поскольку до оружия люди не добрались. Но к самой Сеуте я предлагаю вернуться чуть позже, потому что прежде нам нужно понять глубину процесса.

Здесь полезно воспользоваться идеями профессора Иммануила Валлерстайна и его концепцией мир-системного анализа. Согласно этой концепции, современный мир можно разделить на три большие группы с точки зрения экономического и технологического развития. Существуют страны ядра, которые контролируют основные финансовые и экономические процессы, обладают наиболее развитыми технологиями. Валлерстайн традиционно относил к ним страны Западной Европы и Северной Америки, а в определённый период ещё и Советский Союз, который тогда оставался серьёзной силой. Вторую группу составляют страны периферии, за счёт которых во многом осуществляется рост ядра. Здесь мы подходим к неоколониализму. Вам больше не нужно держать военные гарнизоны где-нибудь в Центральной Африке или заниматься развитием железных дорог в Индии, поскольку все необходимые ресурсы можно получать посредством неэквивалентного обмена. Наконец, есть полупериферия, то есть государства, которые пока нельзя отнести к ядру, но которые сами оказывают серьёзное влияние и точно так же извлекают ресурсы из соседних периферийных стран.

Казалось бы, при чём здесь мигранты? Чтобы ответить на этот вопрос, надо посмотреть, как сегодня работает мировая экономика. В странах ядра существуют финансовые элиты, которые зарабатывают на спекуляциях и на неоколониальных процессах. Их стратегическая задача заключается в том, чтобы контролировать мировую торговлю, удерживать в своих руках максимальное количество ресурсов и при этом платить минимальные налоги. На периферии тоже существуют элиты, и ядру выгодно, чтобы они оставались компрадорскими. Это не национальные элиты, сосредоточенные на развитии собственной страны, её экономики и населения. Их логика очень проста: на моей территории есть определённые ресурсы, я передаю их транснациональным корпорациям и получаю за это свою долю. Поскольку эта доля, как правило, неlegalна, деньги выводятся в финансовые центры ядра, где их помогают аккуратно спрятать. Но в тот момент, когда представитель такой элиты передаёт деньги банкирам, он становится полностью зависимым от них, поскольку происхождение его капитала известно. От союза этих двух групп страдает население и стран ядра, и периферии. Возьмём Великобританию, один из крупнейших финансовых центров этой системы. Обороты банков Лондонского Сити и инвестиционных компаний исчисляются триллионами фунтов, однако благодаря офшорным механизмам до населения эти средства не доходят. Внутри самого ядра происходит серьёзное разделение на элиты и местных жителей, которые должны работать, терпеть и платить налоги.

На периферии даже богатейшие с точки зрения ресурсов государства находятся в полунищенском состоянии. Во многих странах Африки природных богатств столько, что люди, казалось бы, должны с утра до вечера питаться чёрной икрой, однако там царит тотальная нищета. Экспорт осуществляется на кабальных условиях, иначе местные элиты не получат свою долю. Формально колоний больше нет, нет и человека в пробковом шлеме, который пришёл покорять очередную страну. Теперь появляется добрый частный инвестор и говорит: "Я приехал помочь, я привёз вам деньги". В результате эти деньги распределяются между двумя категориями элит, а страна остаётся ограбленной. Чем беднее государство, тем, как правило, выше уровень рождаемости. Во многих странах Экваториальной Африки и Сахеля на одну женщину по-прежнему приходится по четыре или пять детей, поскольку население живёт очень бедно, экономика остаётся аграрной, а дети становятся дополнительной рабочей силой. Я видел репортаж из Бурунди, одной из беднейших стран планеты. Журналист разговаривал с местным фермером, который считался представителем среднего класса и зарабатывал до сорока долларов в месяц. В семье было восемь детей, хотя родилось двенадцать, остальные умерли. Там сохраняется не только высокая рождаемость, но и страшная детская смертность.

Компрадорские элиты не занимаются решением этих проблем, потому что главное для них состоит в том, чтобы содержать достаточно сильный полицейский аппарат, который не позволит людям свергнуть власть. На всё остальное денег, простите, нет. Возникает вопрос, куда направить избыточное, нищее население. И здесь мы возвращаемся к Европе, где рождаемость, напротив, чрезвычайно низка, а дети обходятся дорого. Европейской экономике нужна резервная армия труда, поэтому элиты ядра и периферии прекрасно понимают друг друга: одним необходимо избавиться от социального напряжения, другим нужны молодые рабочие. Для человека, который в своей стране получает пятьдесят долларов в месяц, даже европейское пособие в тысячу евро выглядит невероятным богатством. Конечно, он собирает чемодан, целует маму, пожимает руку отцу и уезжает. Так начинается новое великое переселение народов. При этом обе стороны становятся жертвами. Население периферии ограбили и вынудили покинуть места, где люди привыкли жить, а население стран ядра сталкивается с разрушением привычной среды. Европейцы могут справедливо сказать, что они тоже работали на автомобильных заводах, в конструкторских бюро, в сельском хозяйстве. Туристам они рады, однако не понимают, почему должны мириться с массовым переселением в свои города. Так внутри Европы возникает серьёзное социальное и политическое напряжение, которое постепенно рождает запрос на сильную руку.

Александр МАРКОВ. Получается, что миграционный кризис выгоден элитам и в ядре, и на периферии, тогда как обычные жители страдают от обеих сторон?

Руслан САФАРОВ. Именно так. Сейчас по всей Европе растёт популярность ультраправых. В я-

жёлой экономической ситуации мягкие демократические партии не смогут провести милитаризацию и мобилизацию населения, зато правые могут прийти с простыми лозунгами: выгоним из Испании марокканцев, из Франции алжирцев, из Германии турок, однако, когда этот процесс закончится, у них останется растущая милитаризованная экономика, которую придётся куда-то направить. Поэтому миграция может стать частью подготовки к большой и серьёзной схватке. Нельзя сводить разговор к тому, что одна сторона хорошая, а другая плохая. Задача элит в этой системе совершенно не народная. Весь механизм работает так, что страдают и жители периферии, и европейцы.

Александр МАРКОВ. Здесь стоит сделать небольшую ремарку. Компрадорские правительства выгодны элите ядра, а если в периферийной стране к власти приходят силы, которые отказываются ей подчиняться, там устраивают переворот. Причём для этого могут использовать те же деньги, которые были выкачаны из страны. Получается замкнутый круг, а силы, способной поддержать национально ориентированное правительство, часто просто нет.

Руслан САФАРОВ. Я скажу больше. С 1970-х годов до начала 2010-х страны Экваториальной Африки накопили около 450 миллиардов долларов государственного долга, что для них является огромной суммой. За то же время из этих стран только на британские офшорные счета поступило порядка 900 миллиардов долларов. Часть заёмных средств разворовывается, туда же отправляется доля от экспорта. Деньги аккумулируются в Великобритании, Соединённых Штатах и других финансовых центрах, после чего их владельцы возвращаются в Африку уже в роли инвесторов. Они говорят: "Дорогие конголезцы, у вас нет денег, а вам необходимо развитие". В итоге страну за её же собственные деньги начинают эксплуатировать на ещё более кабальных условиях. В этом и заключается ужас системы. Однако бывали попытки пойти против неё. В первой половине 1980-х годов в Верхней Вольте произошёл военный переворот, и к власти пришёл один из наиболее уважаемых мною политиков XX века Тома Санкара. Вместо того чтобы построить себе дворец и жить как классический африканский диктатор, он сохранил скромный образ жизни. Но дело даже не в этом, подобное всегда можно объяснить популизмом. Важнее его действия. Санкара изгнал из страны французский банковский капитал, после чего переименовал Верхнюю Вольту в Буркина-Фасо. Деньги, поступавшие в казну, он направил на два стратегических направления: образование и сельское хозяйство. Через три года резко вырос уровень грамотности, дети, в том числе в сельской местности, начали ходить в школы. Одновременно Буркина-Фасо прекратила закупать продовольствие за рубежом и стала кормить себя сама. В 1987 году один из друзей Санкары, тоже военный, совершил переворот, а самого президента убили. По удивительному совпадению уже через полгода французские банки вернулись на прежние места. Поэтому, когда мы говорим о банкирах, не стоит представлять себе только весёлых толстяков, которые с утра до вечера считают деньги. Когда требуется, они способны заказать и убийство, и военный переворот. Мы можем вспомнить судьбу Патриса Лумумбы в Конго или Сальвадора Альенде в Чили. История Тома Санкары просто особенно ясно показывает, как эта система сохраняет контроль и насколько жестокой она может быть.

Александр МАРКОВ. Теперь вернёмся непосредственно к Сеуте. Почему вы считаете, что этот миграционный кризис был рукотворным?

Руслан САФАРОВ. Давайте расставим фигуры. В Испании действует левое социалистическое правительство Педро Санчеса, у которого хватает внутренних проблем. После того как Соединённые Штаты вместе с Израилем начали операцию против Ирана, испанские власти заявили, что американцы могут продолжать пользоваться базами на территории страны, но не должны использовать их для атак по Ирану. У Дональда Трампа и до этого были сложные отношения с Санчесом, теперь появился дополнительный повод оказать на него давление. Есть и более стратегический вопрос. После того как Евросоюз начал ограничивать поставки российских энергоресурсов, значение Испании как энергетического узла выросло. Она перерабатывает сжиженный природный газ, в том числе поступающий с Ямала, а также заключила новые контракты на поставки газа из Алжира.

Кроме того, вновь возник проект Транссахарского газопровода, по которому нигерийский газ должен пройти через Нигер и Алжир к алжирским распределительным центрам. Этот проект обсуждают ещё с конца 1970-х годов, реализовать его чрезвычайно трудно, однако через восемь или девять лет, если не случится новой гражданской войны, он способен обеспечить поставки до 50 миллиардов кубометров газа. Тогда возникнет вопрос, куда этот газ пойдёт дальше: через Испанию или по восточному маршруту, через Тунис в Италию. Италия заинтересована в том, чтобы поток пошёл именно в её сторону, поэтому реакция итальянских властей на события в Сеуте была столь быстрой и резкой. Это не просто возмущение правого политика. В Европе стало меньше ресурсов, и участники борьбы готовы пожирать друг друга, как пауки в банке. Существовал и альтернативный проект газопровода, который должен был пройти от месторождений на юге Нигерии вдоль атлантического побережья Западной Африки и выйти к Марокко. Если победа над Транссахарским маршрутом, марокканский проект теряет смысл. При этом отношения Марокко и Алжира крайне напряжённые, в том числе из-за нерешённого вопроса Западной Сахары. Для Алжира это территория, оккупированная Марокко, тогда как Рабат считает её неотъемлемой частью своего государства. Как только Марокко проигрывает газовую гонку, на горизонте появляются американцы, которые предлагают помочь ударить по Санчесу, а через него и по Алжиру. Вашингтон заинтересован в продаже собственного газа Европе, поэтому ему не нужны сильные альтернативные поставщики. Дополнительная деталь заключается в том, что за несколько недель до событий Соединённые Штаты, согласно опубликованным в американском Сенате данным, оказали Марокко безвозмездную помощь на сорок миллионов долларов. Нельзя забывать и об Израиле, старом союзнике Марокко в арабском мире, хотя его участие, на мой взгляд, было минимальным. Так возник идеальный, совершенно рукотворный шторм. В треугольнике Испания, Алжир и Марокко напряжение достигло предела, после чего в Сеуте внезапно собрались десятки тысяч молодых людей. Социальные сети, конечно, многое позволяют, но организовать подвоз такой массы людей только через интернет до-

вольно сложно. Сначала десятки тысяч человек одновременно появились на границе, а затем почти столъ же быстро исчезли. Я верю в совпадения, лет до десяти верил в Деда Мороза, но здесь совпадений слишком много.

Александр МАРКОВ. Как события в Сеуте повлияют на европейскую политику?

Руслан САФАРОВ. Они пополнят копилку правых партий. Их сторонники уже говорят: посмотрите, что натворили социалисты, страна осталась без контроля, мигранты способны быстро организоваться и захватить маленькую Сеуту, а где гарантия, что завтра они не сделают то же самое в Париже, Мюнхене или Берлине? Вместо вопроса о причинах миграции обществу предлагают готовый ответ и заранее назначают виновных. Так было в Веймарской республике, которая страдала от мирового кризиса, но виноватыми объявили евреев, цыган и славян. Сегодня опять создаётся абсолютная работа на правую аудиторию. Дональд Трамп и Илон Маск, сторонники правого поворота Европы, задают один и тот же вопрос: "Что вы там натворили у себя?" Но разбирать причины никто не собирается, людям предлагают поверить, что спасти их способны только правые. Сеута важна не потому, что туда пришли, а затем ушли десятки тысяч человек, она позволяет увидеть весь срез проблемы. Дискусию можно заболтать разговорами о том, кто имеет право приезжать в Европу, кто является коренным, а кто нет, и в конце концов дойти до изменения черепов. Но главный вопрос остаётся прежним: собираетесь ли вы системно менять схему? Если Африку продолжать доить, всё больше людей будет стремиться в Европу, а внутри самой Европы будет усиливаться правый поворот. Для Европы это губительное направление, зато оно устраивает таких глобальных игроков, как Соединённые Штаты. Европейские технологии, экономика и финансы конкурируют с американскими, поэтому Вашингтону выгодно, чтобы европейцы снова погрузились в правый радикализм и внутренний хаос. Тогда они будут заняты борьбой с мигрантами, а у Соединённых Штатов останется на мировой площадке на одного серьёзного оппонента меньше.

Александр МАРКОВ. Вы считаете, что пришедшие к власти правые неизбежно начнут искать внешнее направление для экспансии?

Руслан САФАРОВ. Им нужны ресурсы, и есть два варианта: идти на Ближний Восток или, как это уже бывало, двигаться в сторону России. Если это будут умные правые, они выберут Ближний Восток и постараются мирно сотрудничать с Россией. Если же это будут управляемые правые, они могут снова попытаться пойти на Восток, но сегодня это означало бы ответный удар России. Задача тех, кто управляет таким процессом, — вести Европу в состояние хаоса, направить её по туловищной ветви развития. Любой ультраправый, фашистский путь является тупиковым. Если Европа погрузится во внутреннее противостояние, американцам останется иметь дело уже не с четырьмя крупными оппонентами, а с тремя: Китаем, Россией и Индией.

Александр МАРКОВ. Европа испытывает дефицит рабочей силы, хотя искусственный интеллект и роботизация теоретически способны его восполнить. Старшее население могло бы жить на дивиденды от автоматизированного производства, и тогда необходимо в мигрантах исчезла бы. Но Европе всё равно нужны ресурсы. Получается, она должна вкладывать деньги в развитие периферийных стран, создавать там производство и условия, при которых люди не будут уезжать. Однако нынешняя система заинтересована в том, чтобы бедные страны оставались бедными.

Руслан САФАРОВ. Здесь надо развести две темы: взаимодействие ядра и периферии и будущее, связанное с искусственным интеллектом. В отношениях между ядром и периферией ключевой вопрос заключается в эквивалентности обмена. Китай сегодня отчасти выполняет ту же роль, что и страны ядра. Его можно отнести к полупериферии или уже к ядру, смотря с какой точки зрения рассуждать. Китай пытается найти более или менее приемлемый вариант, хотя я не хочу представлять его добрым ангелом, особенно китайский бизнес бывает весьма специфическим. Если обмен не станет эквивалентным, нынешняя схема продолжит работать. Когда в странах периферии появляются национальные элиты, заинтересованные в развитии своей страны, они не отказываются от западных технологий и не предлагают добывать уран палкой-копалкой. Они готовы заключить договор и отдать партнёру, условно говоря, 25 процентов, но не 90. Если партнёр получает девяносто процентов, это уже ограбление: местный представитель элиты забирает свою долю на личный счёт, хотя национальному правительству необходимо, чтобы основные средства пришли в государственный бюджет, потому что на них надо открывать школы и больницы. Если территория развивается, люди перестают бежать, а затем начина-

ет снижаться рождаемость и исчезает прежнее демографическое напряжение. Эквивалентный обмен позволяет всем зарабатывать, никого не грабя и не создавая бессмысленных социальных перекосов.

Александр МАРКОВ. Что произойдёт, когда искусственный интеллект и роботизация действительно начнут массово заменять человеческий труд?

Руслан САФАРОВ. В следующие 15 или 20 лет, если нынешние тенденции сохранятся, нас ждёт очень серьёзный переход, которым мировые элиты уже озабочены. Предположим, вы создали роботизированное производство и уволили две тысячи наладчиков и слесарей. Ваш конкурент сделал то же самое, затем так поступила вся отрасль, и рабочих мест больше нет. Здесь возникает развилка, к которой мы подойдём примерно через десять лет. Первым путём становится технофеодализм. Людям скажут: больше не надо работать, вкалывают работы, а не человек. Каждый будет получать безусловный базовый доход, которого хватит на еду, бытовую химию и самые необходимые вещи. На первый взгляд мечта сбылась, хотя такая жизнь может оказаться очень скучной. Можно, конечно, заниматься чтением, творчеством и философией, как граждане Древней Греции, чья демократия держалась на рабах. В новом мире роль рабов исполнят машины. Однако через пять или семь лет общество жёстко разделится на правящий класс, которому принадлежат технологии и фактически весь мир, и всех остальных. Владелец роботизированного завода спросит, почему его политические права должны быть равны правам человека, который живёт на пособие. Сегодня голоса простых людей тоже часто мало что решают, однако формальная демократия пока существует. При технофеодализме исчезнет даже она.

Александр МАРКОВ. Можно будет заняться натуральным хозяйством и выращивать овощи.

Руслан САФАРОВ. Возможно, даже этого права у вас не останется, потому что сторонники подобной модели уже задают вопрос: зачем человеку собственности, в том числе на землю? Это и есть технофеодализм. Второй путь возникает в том случае, если люди не захотят принять новую систему добровольно. Тогда переход к технофеодализму проведут через временный технофашизм. Ультраправые партии сначала будут преследовать мигрантов, а потом, как это уже происходило в Третьем рейхе, начнут преследовать не только их. Колокол, который сегодня звонит по мигранту, завтра будет звонить то тебе. Возникнет цифровое гестапо, способное перекрыть человеку доходы и пожертвования только потому, что он написал в социальной сети что-то неугодное. Но есть и третий путь, от которого внимание будут максимально отводить: техносоциализм. Если роботы способны производить всё необходимое, им нужна только энергия и обслуживание небольшого количества специалистов, почему бы не направить это производство на благо общества? Для этого необходимо обобществить технологии и предприятия.

Мы получим производство, которое создаёт всё необходимое, а общество пользуется результатами в меру потребностей. Против этого варианта будут выступать особенно яростно. Сейчас слово "коммунист" всё чаще возвращается в риторику Дональда Трампа, который говорит, что только он способен основать коммунизм. Это не просто странность пожилого человека, так проговаривается то, что обсуждают за кулисами. Развитие роботизации и искусственного интеллекта действительно открывает возможности решения, направленного на благо всего общества. Техносоциализм принципиально отличается от технофеодализма общественной собственностью. Государство обязано обеспечивать продовольствие, медицинскую помощь и другие базовые условия не по милости богатого владельца, который однажды решил построить больницу на собственные средства и теперь ждёт бесконечных аплодисментов, а потому, что оно должно работать на благо народа. Обобществление технологий и реализация идеи техносоциализма дают возможность создать прогрессивную социально-экономическую систему, снять огромное напряжение, в том числе решить проблему, с которой мы начали разговор. Люди перестанут перемещаться через континенты, словно во время кризиса Римской империи, если получат возможность достойно жить и работать у себя дома. Именно поэтому это направление подвернется наиболее сильной атаке, ведь оно нарушает интересы нынешних элит. Это не означает, что в техносоциалистическом обществе все должны жить совершенно одинаково. Речь идёт прежде всего о равенстве прав и возможностей. Если человек найдёт лекарство от рака и спасёт миллионы жизней, я первым потребую, чтобы ему дали всё необходимое. То же относится к тому, кто создаст великое музыкальное произведение. Такая элита возникает благодаря таланту и служению обществу.

На фото: мигранты из Марокко штурмуют испанский анклав Сеута на северном побережье Африки. Август 2026 года.